

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

ПОВЕСТЬ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ А. ПРИСТАВКИНА «СОЛДАТ И МАЛЬЧИК»

Анатолий Игнатьевич Приставкин родом, как и все мы, из своего детства. Но привычная для его сверстников формула «мы родом из войны» предполагает уточнение. А. Приставкин родом из детдома военных лет, где легче было умереть, чем выжить. Память о детстве безотрадно горька, но А. Приставкин ей не изменяет, не ищет в ней утешения, не пытается темные стороны уравновесить светлыми. Сам писатель не без удивления вспоминает свое нищее детство, бродяжничество: неужели так было?

После выхода в свет в 1958 году сборника рассказов «Военное детство» писатель долгое время не обращался к своему печальному опыту. Приставкин сам объяснил, почему этот перерыв оказался длиной почти в два десятилетия: «Я не только боялся писать о тех страшных военных днях, я боялся прикасаться к ним даже памятью: это было больно, мне не хватало сил даже перечитывать свои написанные ранее рассказы».

Однако в 1971 году была написана повесть «Солдат и мальчик», опубликованная в журнале «Знамя» в 1977 году. Эта книга стала первой в трилогии «Солдат и мальчик», ««Ночевала тучка золотая», «Кукушата».

Во всех произведениях о военном детстве А. Приставкин внимательно вглядывается в душу и сознание ребенка, ему важно, каким вырастет маленький человек.

События повести А. Приставкина «Солдат и мальчик» происходят во время войны, весной 1943 года, в небольшом подмосковном городе Люберцы. Жизнь одиннадцатилетнего детдомовца Васьки по прозвищу Сморчок случайно пересекается с жизнью молодого солдата Андрея

Долгушина, ограбленного шпаной. У Андрея украли все: документы, винтовку и вещи. Он находится на грани отчаяния, когда впервые видит Ваську. Пять дней, которые проведут вместе солдат и мальчик в поисках украденного оружия, многое изменят в сознании и душе Васьки. Именно с момента встречи с солдатом начнется становление личности Васьки, и девятнадцатилетний новобранец тоже пройдет свой путь становления.

Васька никогда не знал родителей и семьи, вся жизнь его прошла в детских домах, где царят бесчеловечные законы, где он научился выживать любой ценой. Он маленький и слабый, поэтому над ним издеваются, его унижают, и сам он готов унижаться: «Пни его ногой, не обидится... Будет ждать, пока ему кусок не бросишь. За кусок он землю будет есть, шнурки проглотит, не подавится», «мочу пил за ложку каши. Клянчил, шакалил, в рот смотрел». «Ваську в детдоме и на улице звали Сморчком. Откуда пришло такое прозвище, он и сам не знал. Но откликнулся, когда его звали. А почему бы не откликаться! У всех были какие-нибудь клички: Жабка, Король, Дыра, Обгрызок... Ну а он Сморчок». Автор показывает, что вся жизнь в детдоме, где главный закон - не высовываться, обезличила Ваську, превратила его в звереныша, единственная забота которого - добыть пропитание. И мечты о будущем у Васьки тоже связаны только с едой: «...рядом с миской пайка Васькина лежит, он ее ладошкой ласкает. А размером та пайка ровно с буханку, даже добавок на ней такой, что с ходу не съешь. Это и есть самое светлое Васькино будущее, которое называется "послевойны" и в которое Васька, если честно, не очень-то верит». Ав-

«От чего так устроено, что человек, встретив другого человека, не может его любить и встречаться. Ведь это так естественно - делать и поступать по своим чувствам, а не так, как велят условности».

тор показывает, как жестока и бесчеловечна война, отнимающая у детей хлеб, мечты и веру в будущее. Анатолий Приставкин показал в книге, как беспощадна война к детям, как она калечит сознание и душу ребенка. Описывая, как детдомовцы пьют молоко в колхозе, он стремится вызвать у читателей сочувствие, понимание, что пережили дети войны. Но автора волнует вопрос: «Что в этих условиях можно противопоставить обезличиванию человека?» Писатель показывает, что сильнее голода станет желание поделиться с близким человеком, помочь ему. Так, Васька неожиданно для себя обещает солдату прокормить его до конца войны, поделится с ним хлебом: «Васька вспомнил вдруг

про солдата. Разломил оставшийся кусок пополам, а крошки снова съел, не виноват же он, что столько крошек остается». Становление личности Васьки, возможно, не состоялось бы, если бы он не встретил солдата, увидевшего в нем человека. В течение пяти дней солдат постоянно говорит Ваське, что он человек, даже не понимая, насколько это важно для мальчика, привыкшего жить по законам стаи:

«О чем она плакала?»

О себе, наверное, о бабьей доле, о судьбе, которая могла стать иной, будь она хоть чуточку хуже, легкомысленней что ли. Воистину люди говорят, что судьба - это характер».

«Ты человек смелый, смелый и серьезный», «Ты, Васька, хороший человек», «И друг ты настоящий». То, что Андрей увидел в мальчике человека и по-человечески отнесся к нему, сыграло важную роль. Солдат вернул в его жизнь человеческие ценности: дружбу, любовь, милосердие, чувство достоинства. Васька не сможет жить по-прежнему.

Надо сказать, что параллельно с линией превращения Васьки из детдомовца-звереныша в человека развивается мотив становления и самого солдата. Ведь не зря автор назвал произведение «Солдат и мальчик», а не просто «Мальчик».

Василий стал единственным человеком для Андрея, кто дал ему надежду на возможность найти оружие. «Садом, голым по весне, была сейчас душа Андрея. Могло ее оживить лишь тепло, исходящее от Васьки. Оно и оживляло, и поддерживало худые желтые ростки». Не только это притягивало Андрея к Ваське:

«Андрей уже не думал о себе. О себе он знал все. Неожиданный прилив нежности, испытанный к мальчику, был благодарностью за эту странную встречу». Он понял, что Ваську обижают, почувствовал к нему жалость, сострадание. Автор пишет: «Андрей сейчас отдал бы последнее, чтобы вырос пацан в человека. И чтобы никто не смог обидеть его». И чем больше узнавал солдат про Ваську, тем сильнее его притягивало к мальчику. Сам Андрей Долгушин рано потерял родителей, но хорошо помнит свой дом: «Здесь родился, бегал по улицам, ходил в кино и на пруд, здесь пошел учиться. Не просто знал, город был как неписаная биография Андрея, каждый кирпичик, камешек

еще хранил его следы... Он сидел и думал, что жалко, он не увидел тетку Полю. Андрей знал, что ему очень хотелось посидеть с теткой за чашкой чая, расспросить об отце и особенно о матери, которую он начал забывать... Родная кровь, другой не сыскать на целом свете». Может быть, поэтому так близки по душе оказались два героя, спасшие друг друга от гибели.

Автор настаивает, что любому человеку нужен кто-то близкий, кто понимал бы тебя, ради кого можно было бы жить. «С тех, теперь уже давних пор, как встретились они с Васькой, весь путь Андрея, хотел он этого или нет, был обозначен мальчиком. Сперва впрямую, по его приятелям и друзьям, а потом, по сути, только с Васькой, и более того, к Ваське, а не к винтовке, если не было Васьки. Это сейчас Андрей подумал так, что потерять Ваську было бы для него, может, страшней, чем потерять винтовку. Винтовка - это только его, Андреева, жизнь, его честь и долг. А Васькина жизнь - это и его, Андреев, долг, и долг всех остальных, кто отвечает за Ваську. За него и за его будущее. За всех этих ребятешек». Андрей, прожив пять дней рядом с обездоленным мальчиком, почувствовал его теплоту и беззащитность, тоже изменяется. Теперь он отвечает не только за себя, он становится защитником, понимает, за что он воюет.

Один из финальных эпизодов - встреча на платформе с детьми, вывезенными из блокадного Ленинграда, - раскрывает силу духа повзрослевшего за пять дней Андрея, его способность к борьбе:

«... если выжили они, то Андрей выживет благодаря им, взяв от них пример мужества и отдав во имя их даже жизнь. Во имя их, во имя Васьки».

Эта повесть прочитывается буквально на одном дыхании, открывает неизвестные страницы Великой Отечественной войны, заставляет переживать за героев. И, хотя в произведении открытый финал, очень хочется верить, что солдат вернется с войны и найдет Ваську и что они еще будут счастливы. Советую всем прочитать эту книгу и другие произведения Анатолия Приставкина.

ПРОБА ПЕРА

ПОЭТИЧЕСКИЙ РИНГ

1 сентября в Гимназии каждый год проходит очень необычно. Если в прошлом году на День знаний ученики гуляли по «Гимназическому городу», то в этом году они прошли дистанцию «Юбилейного марафона», ведь уже совсем скоро нашей школе исполнится 25 лет!

Главной задачей этого марафона было показать, каких вершин достигла Гимназия №1. Ученики, проходившие трассу, могли насладиться мастерским исполнением танцев, расширить свой кругозор, узнать много нового о разных странах мира, почувствовать гордость за достижения своих одноклассников в точных науках и, конечно же, погрузиться в лирический мир гимназических поэтов, уже пробующих перо. Станция, где зачитывались свои собственные стихи, называлась «Поэтический ринг».

Каждый поэт пытался донести людям своё понимание жизни, как говорится, «сколько людей – столько и мнений», поэтому слушатели в стихах могли найти ответы на свои вопросы, узнать, что думает по этому же поводу другой человек, получить жизненный совет. В искусстве, как известно, сравнивать не принято, поэтому в каждом спарринге поэтов побеждала дружба!

Безусловно, многим очень понравились написанные стихотворения, и мы приглашаем вас прочитать их.

Говорят, за горою Шаиб-эль-Банат
Сокровища древние где-то лежат.
Их до сих пор никто не искал,
Каждый ученый их сказкой считал.
Ведь в древней легенде так говорится:
«В оазисе сила сокровищ хранится,
Песком это место занесено,
Аравийской пустыней зовется оно».
Только ученые спорят в ответ:
«Оазиса там давно уже нет,
Нет там давленья подземной воды,
Так что и клада вам там не найти».
Однако судьба с ними спорить решила,
Топографа с сыном туда заманила:
Топограф барханы там изучал,
Сынишку с собою на отдых он взял.
И так вот случилось, что их занесло
В сердце пустыни, где нет никого.
Солнце на небе ярко светило,
Светом своим песок кипятило.
Жара уморила героев моих,
Ветер знойный хотя бы затих.
Идут обратно они целый день,
Солнце бросает на землю их тень.
С каждым шагом идти тяжелее,
И сын обратился за помощью к фее.
Но не успел он и слова сказать,
Как смог оазис вдали увидеть.
- Папа! Скорее, скорее смотри,
Там же оазис, он там, впереди!
- Стой, дорогой, стой, подожди,
Там не оазис – бархан впереди.
- Да нет же, папуля, вон он, смотри!
- Сынок, он исчезнет, считай: раз, два, три...
- Но, папа, он все еще, все еще там,
Просто поверь и увидишь ты сам!
- Когда я увижу, тогда и скажу,
Что верю тебе, а пока не могу.
- Но, папа, прошу сначала поверить,
Ну, а потом сам ты сможешь проверить!
- Ну ладно, ну ладно, я верю тебе.
Теперь посмотрю... Там, в песчаной стене,
Оазис, оазис! И правда он там!
Но как это так? Я не верю глазам!
К воде побежали они со всех ног,
Их пятки взрывали горячий песок.
И вот, наконец, к воде прикоснувшись,
Отец что-то понял, как будто очнувшись.
Он понял, что пьет давно спрятанный клад,
Сокровище есть, и пусть говорят,
Что нет здесь оазиса, только мираж,
Какая мне разница, выбор-то наш:
Верить себе или верить словам,
Каждый решит для себя это сам.

«Увижу – поверю», - сказал человек.
«Поверишь – увидишь», - был послан ответ.

Вадим Никитин

По вечерам темно, закат алеет,
Тускнеют облака, сгущая темноту.
Прохожие спешат, торопятся быстрее,
Волнующей природы не видят красоту.
Бежим домой, скрываясь от дождя,
Не любим осень и грустим.
Вздыхаем, за улетающими птицами следя,
Закутавшись, в безмолвии сидим.
Скучаем, чужда нам осенняя погода.
Огонь в камине полыхает зря.
И увядает медленно природа.
Слежу за ней, дыханье затая.
Настанет ночь темней багровой розы,
И в воздух полетят мои стихи.
А осень проливает свои слезы,
Сменив цветные парики.

Элеонора Аквитанская

Хочу я, чтоб не надевали масок,
Чтоб жизнь цвела без фальши и игры,
Чтобы сияли неразбавленные краски.
Зачем нам блеск дешевой мишуры?
По струнам бьем, не извлекая звука,
А за жестокостью упрятали любовь.
За ролью роль менять - ужаснейшая скука,
«Весь мир – театр» не повторить ли вновь?
Сменить костюм и грим – пустяк и только,
Повысить тон или шептать – да хоть сейчас!
Свое лицо мы забываем, как ни горько,
За маской спрятав взор потухших глаз.
Но разве стоит жизнь нескладных сказок?
И вместо чувств фольгу ты выбрал, человек?
С себя сними, сорви очередную маску,
Пока к лицу не приросла навек.

Виталия Слуцкая

Я помню комету, над морем летала,
Пронзая просторы дегтярных небес.
И хвост её белый вода отражала,
И в мир провожала безмерных чудес.
В желаний слепых океане огромном,
В закрытой душе, где нет места мечтам
Блуждает комета легко и свободно,
Отдавшись прохладным небесным ветрам.
И прихоти все выполняет покорно,
И маленькой жизни судьбой дорожит.
Быть может, когда-то на глади озёрной
Кометы мерцающий хвост пролетит.
Для нас это тело всего лишь примета,
Летая во мгле, отражает рассвет.
Кто знает, возможно, что эта комета
Во тьме превращается в бронзовый свет.
Прошу, не погасни, останься со мною
И свет подари недоступной луны.
И летом душистым, и тёплой зимою
Вращайся под куполом нашей страны.
Я помню, как слёзы тогда не сдержала,
Смотря на простор угасающих звёзд
И взором печальным домой провожала
Жемчужной кометы белеющий хвост...

Яна Валусева

Лето тут! Огни погасли школы,
И ты, забыв о книжках, об уроках,
Повеселишься, наконец, с друзьями,
А, может, полетаешь с воробьями ...
Три месяца свободы! А в честь чего?
Огни погасли школы!
И девяносто с лишним дней веселья,
Играя в догонялки, катаясь на качелях,
Ты попросту убьешь!
В кино подружку позовешь
И в лагерь, может быть, поедешь,
Но тут, к несчастью, заметишь,
Как кончилось оно.
Огни увидишь ты в окне
Сияющей и настоящей школы!
Пойдешь на секцию футбола,
На баскетбол, водное поло
И будешь вспоминать,
Как хорошо не двигать горы,
Когда огни погасли школы!

Роман Яковлев

«Ты – гимназист!» - сегодня прозвучало.
«Ты – гимназист!» - казалось бы, слова,
Но что - то изнутри мне подсказало,
Что началась новая глава.
Глава, в которой ждут меня победы,
А вместе с тем и пораженья ждут,
Друзья, подруги, долгие беседы,
Учителей подвижнический труд.
Глава, в которой требованья выше,
Но в то же время интересней жить,
Глава, в которой в коридорах тише,
И взрослой жизни очевидна нить.
Еще не выбран путь, покажет время,
Куда судьбы дорога повернет.
Но есть багаж. Посаженное семя
На почве гимназической взрастет.
«Ты – гимназист!» - сегодня прозвучало.
«Ты – гимназист!» - казалось бы, слова,
Но что - то изнутри мне подсказало,
Что началась новая глава.

Арина Каргина

Как чуден запах зноя и травы,
Как это лето двор наш славно красит;
Мои обиды, мамини "увы",
И длинный список книжек в первом классе.
Сначала было, правда, тяжело,
На жизнь боролась с книгой я отважно.
Мир. Первое сражение прошло.
Но есть трофей: полжизни, больше даже
Моей она с собой связала в раз,
Не безвозмездно, мне же подарила
Свой дивный мир, доступный в каждый час
И краски слов со стойкостью акрила.
Как Персефона, летом я живу
В другом пространстве, в чуждом мире где-то,
Где всё - мечты, и где всё наяву,
Где вечен чей-то день и чьё-то лето...
В такое время с книгой мы вдвоем:
Глаза в глаза, плечо к плечу, мысль к мысли,
И с ямщиком о Родине поём,
И слышим скрип ведра на коромысле.
И видим лес, осенний и немой,
И чьих-то глаз смиренную усталость,
И солнце бледное над царственной Невой,
И все на свете, и такую малость.
Мы с жадностью бежим по мостовой
За кем-то смутно-близким; почему-то
Все повороты жизненной кривой
Нам представляются понятными в минуту.
Но книга вечна, книга не растёт,
Она способна взять, остановиться,
Она не знает, что такое гнет,
Не различает чувства, жесты, лица.
Она бездонна и даёт черпать
Своей души живительную влагу,
Даёт толчок, чтобы, собравшись, встать
И на судьбе читать по тем же книжным знакам.
Нам лето с книгой - общий вещный сон,
Где солнце так горит и так искрится,
И листья что-то шепчут в унисон
С зажатой между пальцами страницей...

Мария Хамина

ГИМНАЗИСТ
читающий

Приложение к газете «Гимназические известия»

№ 2 (15) Декабрь, 2015 г.

Редакционная коллегия:

Дизайн и верстка: Т.В. Карелова

Корреспонденты: Семен Захаров, Вадим Никитин, Элеонора Аквитанская,

Роман Яковлев, Яна Валусева, Виталия Слуцкая, Арина Каргина, Мария Хамина

E-mail: gimngazeta@yandex.ru

Тираж 100 экз. Отпечатано в типографии «Порто-Принт»